

С момента посева Цзи Циньюэ ощутил, как в груди исподволь зарождаются чувство удовлетворения и гордости. Опираясь на деревянную палку, он стоял у края грядки и с замиранием сердца смотрел на землю, всё сильнее преисполняясь надежды — ситуация казалась не такой уж и безнадёжной.

Чудесная земля позволяла ему заниматься земледелием куда легче, а значит, нужно было стараться изо всех сил, чтобы не посрамить её дивные свойства.

Вспомнив, как выглядел плетёный забор в его воспоминаниях, Цзи Циньюэ решил смастерить такой же вокруг своего огорода.

С помощью палки он выкопал неглубокую канавку, затем порылся в куче хвороста, отыскал ветки примерно одинаковой толщины и стал по одной втыкать их в землю, после чего засыпал землей и плотно утрамбовал.

Закончив, он обернулся и окинул взглядом плоды своих трудов: изгородь вышла ровно такой, какой он и ожидал — нескладной и странной. Она выглядела кривой и кособокой, а между прутьями зияли прорехи, в которые запросто пролезла бы человеческая рука. Казалось, подуй ветер посильнее, и вся эта конструкция рухнет.

Цзи Циньюэ пришлось повозиться с ремонтом: он поочередно выравнивал ветки, затыкал слишком широкие щели новыми прутьями, а потом сбегал к подножию горы, нарезал лиан и принялся крест-накрест обвивать ими забор, связывая прутья в прочный и плотный ряд.

Когда всё было готово, Цзи Циньюэ отошел подальше и оглядел ограду: на этот раз она выглядела вполне сносно.

Любуясь своей работой, Цзи Циньюэ хлопнул себя по лбу, только теперь сообразив, что забыл оставить в заборе калитку. Впрочем, беды не было — ноги у него длинные, сможет перешагивать.

В то время как Цзи Циньюэ неторопливо возился с забором, во дворе кипела работа: мелькали руки помощников, не прекращавших ни на секунду.

Ли Эрлан, едва сбив температуру, сразу же поднялся. Не смея присесть ни на минуту, он, как и позавчера, устроился во дворе перебирать фрукты.

— Цай-бо! Старший братец А-Цзи! — запыхавшись, крикнул кто-то, вбегая во дворец.

Ли Цзиньнян и Ли Эрлан были дома. Подняв головы и всмотревшись в пришедшего, они тотчас прекратили работу: это оказался старший из тройняшек дяди Цина — Ли Чжанжэнь. Брат и сестра поднялись, чтобы поприветствовать гостя:

— А-сюн, что случилось?

Ли Чжанжэнь перевел дыхание и только тогда заговорил:

— Мой отец ходил в деревню сдавать товар и как раз застал уездных рассыльных, расклеивавших объявления. Говорят, в этом году сроки смены гарнизона перенесли на более раннее время, и выступать нам нужно уже завтра!

Оба остолбенели. Ни один из них не ожидал вестей о смене войск. С окончания осенней страды прошло едва полмесяца, и все только и делали, что готовились к озимому севу. В прежние годы военное ведомство созывало солдат на тренировки лишь после завершения посевных работ, а теперь всё сдвинули аж на полмесяца вперед.

Трудно было не увязать это с недавним и странным скачком цен.

Ли Эрлан подал пиалу с водой, чтобы двоюродный брат утолил жажду, и откликнулся:

— Спасибо, что сообщил, аюн. Как только отец и старший брат вернутся, я им передам.

Осушив пиалу, Ли Чжанжэнь отмахнулся:

— Отец велел передать, что сбор назначен на завтрашнее утро у входа в деревню, так что пусть тетушка всё подготовит к сегодняшнему вечеру.

Будь то тренировки или настоящий бой, одежду, оружие, боевых коней и даже провиант солдаты обязаны были готовить сами. По положению каждый должен был взять с собой трехмесячный запас продовольствия, по прибытии в лагерь зарегистрироваться и сдать зерно, которое затем поступало под управление походной кухни.

Доспехи — тяжелые и панцирные, а также тяжелое вооружение вроде катапульта — обеспечивались императорским двором, но легкое оружие, такое как мечи и пики, воинам приходилось добывать за свой счет. В противном случае, если разразится битва, придется сйтись с врагом вручную, безоружным.

Если же кто-то сбежит — стоило лишь обнаружить дезертира, как у него отбирали все наделы земли, а кровных родственников вплоть до третьего колена отправляли на каторгу. Укрывательство беглеца каралось по всей строгости закона: тех, кого уличали в помощи, ждала та же участь, что и самого дезертира.

Ли Цзиньнян, внезапно услышав весть о том, что отцу и старшему брату вновь предстоит в лагерь, поначалу даже не нашлась что ответить и тупо уставилась на плетеный лоток в своих руках. Ли Эрлан ласково потрепал младшую сестру по волосам:

— Цзиньнян, всё будет хорошо! Ведь у тебя есть второй и третий братья!

Глядя на юное, но решительное лицо второго брата, девочка почувствовала, что после пережитого ранения в нем что-то надломилось и изменилось. Тихо вздохнув, младшая сестра взяла себя в руки: нельзя раскисать надолго, дома еще столько дел, и она верила, что их семья непременно со всем справится.

Вскоре вернулись отец Ли и старший брат Ли, тащившие за спиной мешки с фруктами. По дороге они встретили нескольких сельчан, которые только и говорили что о возвращении в гарнизон и досрочной смене войск. Расспросив подробности, они наконец во всем убедились.

Получив подтверждение, мужчины решили больше не терять времени зря — они хотели успеть до заката набрать еще больше плодов и притащить домой. Стоило им уйти, как, если не начнется война, домой они смогут вернуться лишь через полгода, а пока все тяжелые работы на полях ложились на плечи оставшихся, так что сделать следовало как можно больше.

Вечером Ли неожиданно не стали ложиться спать затемно, а собрались вместе и устроили роскошный ужин: матушка Ли зарезала курицу и барана, сварила куриный бульон и зажарила баранину.

Наевшись досыта, они допоздна сушили оставшуюся половину туши, щедро сдобрив мясо пряностями, и вялили его. Женщины обступили очаг, переворачивая лепешки, и напекли не меньше сотни масляных хубинов, а мужчины отправились в амбар за зерном, отмеряя по три ши зерна на каждого, чтобы взять с собой в военный лагерь.

Закончив с припасами, отец Ли запер амбар на замок, но не стал, как обычно, прятать ключ, а повернулся и протянул его Ли Эрлану. Глядя на второго сына, который вымахал почти с него самого ростом, отец наказал:

— Пшеницу нужно обязательно посеять до конца десятого месяца, иначе землю скует морозом. На Новый год мы со старшим братом не вернемся, так что все дела по дому будут на тебе.

С этими словами он похлопал юношу по плечу. Плечи второго сына становились всё крепче и шире, незаметно превращаясь в надежную опору для всей семьи.

Приняв ключ, Ли Эрлан тяжело кивнул:

— Я сберегу наш дом и буду ждать скорого и благополучного возвращения отца и старшего брата.

Наступил следующий день.

Ранним утром вся семья провожала отца Ли и старшего брата. Отец Ли вместе со старшим

сыном и Ли Дацином с тремя товарищами держали путь в военный лагерь; толпа мужчин с мешками зерна за плечами выступила из деревни навстречу утренней заре.

До лагеря было далеко: на ослиной повозке путь занял бы три дня. Мужчины договорились сообща нанять несколько повозок для перевозки провината и шли вместе, чтобы в пути было кому присмотреть друг за другом.

Стоило уйти всего троим, как в доме стало непривычно тихо.

Впрочем, вскоре тоска от расставания затерялась в хлопотах: оставшимся по-прежнему нужно было жить и работать, на переживания не оставалось времени.

Все снова погрузились в сбор фруктов, и дома остались лишь раненый Ли Эрлан да младший Тунлан.

Ли Эрлан закатал широкие штанины — под ними виднелись слои марлевой повязки. Лекарь уже очистил рану от гноя и заново наложил мазь, так что кровь больше не сочилась, да и невыносимая боль утихла. Усевшись на стул и вытянув ногу, он принялся методично перебирать фрукты.

Малышу Тунлану шел всего полтора года — самый непоседливый возраст, когда ребенок только и делает, что бегает и исследует мир. Ему было интересно абсолютно всё, каждую вещь хотелось потрогать, а потому за ним требовался глаз да глаз: стоило отвлечься хоть на миг, как сорванец тут же устраивал какую-нибудь пакость, от которой взвыли бы и кошки, и собаки.

— Тунлан, поешь-ка здесь ягод, веди себя смирно, ладно? Второй дядя занят, а как закончим с товаром, попросим третьего дядю сводить тебя за сахарными леденцами!

Кроха тер финики своими крошечными зубками с рисовое зернышко, измазав слюной все руки:

— Сахарные леденцы!

Ли Эрлан продолжал наставлять племянника, не особо надеясь, что ребенок всё поймет:

— Смотри у меня, никуда один не убегай, понял? Вот закончу дела, и мы с тобой поиграем!

— Угу, — послушно кивнул Тунлан, усаживаясь рядом с Ли Эрланом. Никаких сладостей тогда не водилось, так что дикие боярышник и финики со своего двора были единственным лакомством, способным занять его на долгое время.

— Сянлан! Сянлан, ты дома? — раздался за воротами чей-то голос.

Ли Эрлан отозвался:

— Кто там?

— Это я! Я принес свинину!

Прихрамывая, Ли Эрлан вышел к воротам и распахнул их. Перед ним стоял двоюродный брат с увесистой ношей в руках.

— Все эти дни мы были заняты сбором фруктов и никак не могли зайти. А сегодня я провожал отца и старшего брата в деревню и заодно заглянул к вам, закинул мяса. Матушка приготовила его впрок. Если бы не ты тогда, Сянлан, всё могло кончиться куда хуже.

Когда Ли Эрлан недавно попытался остановить дикого кабана, один из старших сородичей пообещал прислать в благодарность кусок мяса и отправил за этим сына.

Ли Эрлан отнесся к этому просто:

— Пустяки, увидел несправедливость — помог, не мог же я смотреть, как эта тварь калечит людей!

Пришедший приходился Ли Эрлану троюродным братом. Он тащил на плече половину вяленого свиного ребрышка и целую свиную ногу, натертую солью:

— Сянлан, куда это положить?

Сам Ли Эрлан помочь не мог, поэтому лишь оперся на костыль и повел гостя на кухню:

— Брось на кухне, а бабушка с матушкой вернутся — разберутся.

— Хорошо, раз так, оставлю на печи. Как вернутся тетушка с остальными, передай им от меня привет.

— Обязательно. А как у вас с урожаем фруктов? — провожая гостя, поинтересовался Ли Эрлан.

Кузен вздохнул:

— Много еще не собрано. Отец с братом на учениях, дома только мы с матушкой, забот невпроворот. Ну я пойду, Сянлан, не провожай! Береги ногу! Закончим с делами — забегай в гости!

— Ладно!

Проводив кузена взглядом, Ли Эрлан вернулся во двор и обнаружил, что Тунлан куда-то пропал.

Бросив взгляд налево, он заметил, что дверь в кабинет распахнута настежь.

Поспешив туда, он воочию убедился: мальчишка и правда залез в кабинет! Когда Ли Эрлан вошел, Тунлан как раз с пыхтением карабкался на стул, пытаясь подражать то ли чтению третьего брата, то ли четвертого, и бормотал что-то невнятное:

— Шан дажэнь... Шан сяньжэнь!

— Тунлан, тебе еще рано учиться грамоте! Уж не четвертого ли дяди ты соскучился? Четвертый вечно таскает тебя с собой, когда учит уроки, вот ты с непривычки и сам заговорил книжным языком! — Ли Эрлан приятно удивился. Сам он сидеть за книгами не мог — стул будто иголками был усыпан, стоило присесть, как тело начинало ерзать. Матушка Ли обычно стояла у него за спиной с прутиком, следя за учебой, зато третий брат с самого начала умел усидеть на месте, вызывая у него неизменное восхищение.

— Фрукты еще не до конца разобраны, второму дяде нельзя оставлять тебя одного в кабинете. Раз уж хочешь учиться, я буду читать тебе вслух, пока работаю! — С этими словами он подхватил Тунлана на руки и вынес из кабинета.

За мгновение до этого скрипнула открывшаяся дверь, напугавшая Цзи Циньюэ. Судя по его знаниям о семье Ли, кроме Ли Санлана и Ли Сылана, в кабинет никто без нужды не заглядывал. Сейчас младший учился в деревенской школе, а средний собирал на горе фрукты, и Цзи Циньюэ никак не мог сообразить, кого могло занести сюда в такой час.

Скрип двери сопровождался детским лепетом, и Цзи Циньюэ сразу понял: в кабинет появился маленький Тунлан, вечно ходивший хвостом за Сыланом.

Не успел он толком прислушаться к возне малыша, как явился Ли Эрлан и унес ребенка.

Вот проказник.

Цзи Циньюэ не стал заикливаться на этом маленьком происшествии. Присев на корточки посреди огорода, он с безграничным умилением разглядывал проклюнувшиеся зеленые побеги.

За ночь все посеянные семена дружно взошли! Разница заключалась лишь в том, что скорость роста у разных растений немного отличалась. На глаз было заметно, что одни ростки за ночь вымахали сантиметра на два, тогда как другие лишь едва проклюнулись из земли. Он

предположил, что дело в разной продолжительности жизненного цикла растений: земля ускоряла рост, но поскольку сроки созревания были у всех свои, то и всходы выглядели по-разному.

Как бы то ни было, теперь все они были его сокровищем.

К сожалению, познания его были ограничены: раньше он и по семенам не мог определить, где что растёт, а глядя на зелёные стебельки, и подавно не мог отличить одно от другого.

Придётся ждать, пока побеги подрастут, зацветут и дадут плоды — уж по урожаю-то он точно узнает, что это за растения! А затем можно будет отобрать лучшие плоды и вырастить новые семена.

При мыслях об урожае Цзи Цинъюэ снова заволновался о своём будущем: припасы таяли на глазах, осталось всего две лепешки — и те чудом сбереглись благодаря тому, что он каждый день отщипывал по кусочку.

Семенам предстояло пройти долгий путь от ростков до созревания плодов, и тут уж гадай не гадай, а как ни ускоряй процесс волшебной силой земли, завтра же собрать урожай не получится.

Сылана дома нет, и что же ему делать?

Раньше он ещё боялся не отличить ядовитые грибы от съедобных и фантазировал, что будет делать, если случайно отравится, либо грезил о поимке дикой фазаньей или кабаньей дичи. Он никак не ожидал, что сама картина окажется настолько скупой на блага. Проведя здесь столько дней, он уже понял: хотя лесная чаща на холсте выглядела густой и буйной, разнообразием видов она не отличалась.

Кроме него самого — живого существа, способного передвигаться, — в этом мире не было ни единой рыбы, ни птицы, ни червячка.

Всё, что художник забыл нарисовать, здесь отсутствовало напрочь, оттого-то ему и приходилось так туго.

У других в начале пути были сплошные чудесные дары и форы, а он в самом начале чуть было не отбросил коньки.

Вода и ветер здесь имелись, но вокруг царил мертвая, зловещая тишина.

Цзи Цинъюэ уже не раз мысленно отчитывал автора этой картины. Густые заросли сосен за соломенной хижинкой... даже он, человек, не умеющий рисовать, знал, что в природе не бывает столь плотного соснового бора — скорее всего, художник поленился и просто потыкал кистью в

бумагу, а мир взял да и сгенерировал всё сам.

Нарисуй тогда мастер хоть черную закорючку в воде — глядишь, она бы автоматически превратилась в рыбу.

Но в реальности ничего подобного не случилось.

Эх.

Оставив жалобы, Цзи Цинъюэ вышел за изгородь, поглядел на зеленые ростки и всерьез задумался, как ему дотянуть до того дня, когда они подрастут.

Он подсчитал: Сылан вернется еще нескоро — дней через восемь.

Восемь дней — слишком долго.

Раз уж надеяться на возвращение мальчика бессмысленно, перед ним оставалось лишь два пути: первый — терпеть изо всех сил, пока всходы не окрепнут и не дадут плодов, второй — искать помощи извне.

Ли Сылан был мал, наивен и глуп, и ему просто повезло, что он выиграл в той отчаянной аванюре. Кто знает, улыбнется ли удача в следующий раз и окажутся ли те, кого он встретит, не склонными к жестокости и суевериям.

В эпоху, когда люди голодали и ходили в обносках... впрочем, неважно где, само его существование в этом мире было сплошным чудом. Он не сомневался, что в глазах некоторых он мог превратиться в источник легкой наживы, в диковинку, которой станут торговать или дурачить доверчивый люд. До тех пор пока он не научится выживать самостоятельно, любое неосторожное разоблачение могло ввергнуть его в пучину безвозвратной гибели.

Стоило ему угодить в лапы недобрых людей, как его ждала жизнь хуже смерти.

Как же поступить? Какой выбор сделать?

<http://bllate.org/book/21408/2184627>